

Price in NYC 50¢,

outside of NYC \$1

стр. 12-15

ТАНЕЦ И СЛОВО

ВЕСЬ
ЭТОТ
ДЖАЗ...

стр. 5

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№17 (46)
АПРЕЛЬ 2021

Одесское землячество зажигает Звезды

стр. 16-17

ЭПОХА ПО ИМЕНИ БАНИОНИС

стр. 8-11

Геннадий Норд

Это произошло в середине семидесятых. В Паневежисе я приехал субботним днем в самом конце декабря. Задание молодежной редакции радио – взять новогоднее интервью у звезды экрана Донатаса Баниониса.

Устроился в единственной городской гостинице «Невежис», которая располагалась на площади как раз напротив одного из самых популярных в Советском Союзе театров.

Звоню.

–Донатас Юозасович сейчас в Чехословакии на съемках, – отвечает мелодичный женский голос. – Меня зовут Она, я его жена. А он должен приехать сюда на день. Оставьте ваш телефон.

–Хорошо, – оставляю номер телефона в гостинице.

–А вы не хотели бы поговорить с Раймундасом? – спрашивает меня Она.

Я знал, что сын Донатаса Раймундас тоже снимается в кино. Но задание редакции...

–Если не приедет сегодня-завтра Донатас Юозасович, то я перед отъездом непременно поговорю с Раймундасом, – обещаю и кладу трубку.

Интервью срываются. Но театр на против. Популярный театр.

одна звезда «Никто не хотел умирать». Бегу в гостиницу, нахожу в телефонной книге номер, звоню и – о, чудо! На проводе сам Альгидас Масюлис.

–Я свободен, – говорит он.

Это был незабываемый вечер. Сначала мы с Альгидасом обсудили массу проблем от кино до оккупации Литвы Советами, и это в 1974 году. К десяти вечера к нам присоединился Бронюс. И мы до пяти утра говорили четыре бутылки «Столичной», разливая ее в граненые гостиничные стаканы и заедая анекдотами и байками.

Утром я проводил гостей, убрался в номере и решил немножко поспать.

И тут зазвонил телефон:

–Здравствуйте, я – Банионис. – Могу быть у вас через десять минут. Да. Я уже знаю о вашей вчерашней... встрече с моими товарищами. Так вот, молодой человек, я пью только коньяк и не стаканами, а из рюмок.

–Тогда встречаемся через час, – тут соображая с похмелья, все-таки выкручиваюсь я.

Бегу в магазин за коньяком. Рюмки, где взять рюмки? Пока я буду искать магазин с посудой и бегать по городу, Банионис, не дождавшись, уйдет. И тут я вижу гостиничный реестрован.

Захожу, сажусь за столик. Рюмки они, конечно, не продадут, даже закаться не надо.

ЭПОХА ПО ИМЕНИ БАНИОНИС

Иду к администрации, представляюсь. А она оказывается женой Бронюса Бабкаусаса – одного из открытых жалакяйчусовского «Никто не хотел умирать».

–Как с Бронюсом встретиться? – спрашиваю.

–Бронюс сегодня занят в «Пляске смерти». Оставьте ваш телефон. Идите. Или идите на спектакль.

Надо сказать, что спектакль по пьесе Стенберга «Пляска смерти», поставленный гением сцены Юозасом Мильтинисом идет семь часов с двумя-часовыми перерывами на обед. Терять столько времени, да еще слушая в наушниках порогод? Увольте.

Выхожу на площадь, чтобы побродить по магазинам, и тут вспоминаю, что в Паневежисе живет дядя Вили Шварцкопф из «Циты и мяча» и еще

Что делать? Возьму-ка я парочку рюмок со стола, а потом принесу и тихонько поставлю.

Заказываю кофе, выпиваю, расплачиваюсь, незаметно сую две рюмки в карманы и иду встречать дорогого гостя. Так я первый и последний раз в жизни украл.

А интервью удалось! Но пришлось еще два раза бегать за коньяком. А, когда Донатас поздно вечером провожал меня на международный автобус, ресторан уже был закрыт. Попросить его передать рюмки, а значит, признаться в воровстве у меня не хватило духу даже подшафа.

Рюмки так и путешествовали со мной все эти годы. Одна, правда, разбилась. Время не бережет вещи. Но вторая цела, стояла и ждала, а вдруг наши пути с Донатасом еще раз пере-

С Бруно Оя

«Никто не хотел умирать» (председатель Вайткус, 1965)

С Ригимантасом Адамайтисом и Юозасом Будрайтисом

секутся, и мы опять выпьем коньяка из той самой рюмки...

К сожалению, то первое интервью не сохранилось. Но пути пересеклись в 2005-м на праздновании 750-летия Кенигсберга-Калининграда. У меня в юбилейных морепропитаниях были запланированы несколько концертов. Прилетев, иду по коридору в свой гостиничный номер, а навстречу Банюнис собственной персоной. Оказалось, что он устроился в соседнем номере.

И главное не в том, что я его узнал, а в том, что узнал меня он. Несмотря на прошедшие тридцать лет.

Тогда мы проговорили несколько вечеров. А потом встречались еще много раз. Последний — в 2012 году. В 2014-м Донастаса не стало.

Сегодня, 28 апреля, ему исполняется 97 лет.

Каждая наша встреча — это разговоры, разговоры, разговоры...

И это понятно. Ведь о людях той эпохи принято говорить с пытетом и почитением. Тем более, о таких людях! И тем более проживших такую эпоху. Этую эпоху можно с полным правом считать Великой эрой в истории советского кино. Она свидетель века: революция, гражданская война, НЭП, коллективизация, Великая Отечественная.

Банюнис был участником многих уже исторических событий.

земли. За это отец девушки попал в тырьму, брата отправили в Воркуту как политзаключенного, чуть позднее репрессиям подверглись и два друга ее брата. Саму Ону предупредили о возможном аресте, и она успела обежать, помняв фамилию. В конце 1940-х она вернулась в Вильнюс и вскоре стала моей женой. Это было 3 мая 1948 года.

— Твоя личная жизнь никогда не давала поводов к досужим сплетням.

— Моя она была очень нежная, ласковая и терпеливая женщина, если смогла выдержать все мои скитания. Нет-нет, я не содержал любовниц, никогда не бросал семью, просто мне пришлось много ездить по миру. Например, после фильма «Никто не хотел умирать» меня стали наперебой приглашать сниматься, и, естественно, я редко бывал дома. Долго жил и работал в Германии, затем снова в России, в Петербурге. Да где я только не жил! Она ждала меня и, по сути, сама растила наших сыновей — Эгидинуса и Раймундаса.

Уже после обретения Литвой в 1990 году независимости, она получила часть национализированной рабочей земли ее отца, на которой теперь стоит наш дом.

Она умерла в 2007 году. Мы прожили вместе шестьдесят лет. Старший

сын: «А что мне говорить? Я же белой вороной буду выглядеть. Совать?» «Знаете, у меня всего одна», — говорю. «Да и у меня одна! — недоумевая, воскликнул кто-то из нашей компании. — Никто из нас гарем не держит». «Я единственный раз женат!» — уточняю. «Как, ты всю жизнь живешь с одной женщиной?» Мои собеседники переглянулись: мол, ну бывают же дураки! Да, я влюблялся в актрис, снимаясь с ними в одних фильмах. Но все это были отдельные, неначальные эпизоды в моей жизни. Я никогда не терял разум.

— В 1944-м ты вышел на профессиональную театральную сцену в Каунасе?

— Да, сначала все было в Каунасе, где я родился. Мой дом родной в центре, в Старом городе, недалеко от Ратуши. Быгал там мальчишкой. Потом было, я так скажу, мое случайное вхождение в мир театра. Хотя ничего случайного по-настоящему не выывает в жизни, я ведь еще в школе увлекался этим — ходил в драмкружок. Играли все, что ни предлагали.

— Что именно, какие роли?

— Ой, вот этого уже не помню! Отец мой был простым ремесленником, хотел, чтобы я пошел по его стопам. Но мне опять в юности повезло: на пути встретились замечательный режиссер, корифей театрального искусства Юозас Мильтинис. Он учился перед этим во Франции и приехал в Литву молодой, энергичный, полный идей. Он меня заметил и всячески потом продвигал! Ну, и наконец, мне еще раз очень повезло: я встретил Витаутаса Жалакявичу, знаменитого впоследствии на весь Советский Союз кинорежиссера, и он меня пригласил на первую роль в кино.

— Ты рассказывал, что в Паневежисе в 1940-е годы при немецкой оккупации в городском театре ставили пьесы, играли на родном языке, в основном литовскую классику. Пьесы русских драматургов, понятно, нельзя было играть. Тебя после этого «сотрудничество с оккупантами» чуть не репрессировали?

— Да, мы очень боялись большевизма. Перед самой войной за одну неделю по Литве прошли массовые аресты и депортации. Многие литовцы даже так думали: пусть приходят хотя бы

и немцы, не пустят к нам коммунистов.

Высыпали моих земляков за гриву. Ночью по городу ездили на грузовиках со списками и забирали людей. Без суда, без объяснений. «У тебя», — говорят, — дядя есть враг народа». Или что-то подобное. Это был приказ Сталина и разнарядка — выселять десять тысяч. Высыпали. Хватали, чтобы отчитаться. Чтобы сами потом не обвинили в подрывной деятельности. Три ночи такое было, что мне страшно вспоминать, что творилось! Боялись потом, что НКВД вернется.

— Перенесемся в 1954-й год. В Паневежиском театре в этот год тебе дают играть одну из «коzyрных ролей» — Павку Корчагина.

— Да, роль Павки Корчагина я помню хорошо. Сейчас над этим образом и над этой книгой кто-то посмеивается, но на самом деле какой был благородный, смелый и сильный герой! Для меня он идеальный! Я интересовался личностью самого писателя Островского, его биографией и жизненным подвигом. До сих пор им восхищаюсь.

— Как ты обычно работаешь над ролью?

— Ну, как работаю? Так и работаю! Вживаюсь в образ. Читаю книгу-источник. Если он есть. Так меня убил мой главный учител Мильтинис.

— После первого успеха в театре тебе все больше и больше везло. Еще десять лет после Корчагина — и ты оказался в зените славы, благодаря фильму Жалакявичу «Никто не хотел умирать».

— Ну, все сводить к везению тоже нельзя. Все-таки, я и актер хороший.

— Насчет твоего мастерства ни у кого нет сомнений! Но ведь на том всесоюзном фестивале в 1966-м году у вас был крутой конкурент — фильм «Председатель», в котором снялся Михаил Ульянов! Но предпочтение жюри отдало фильму Жалакявичу.

— Да, я знал Ульянова, великолепный актер, действительно!

— Так, вероятно, дело не только в актерском мастерстве и везении. Ты после фестиваля оказался на самой вершине советского кино, попал в элиту кинозвезд.

Окончание на с. 10-11

И я осмелюсь сказать: его вклад в искусство кинематографа значительной, чем у многих и многих звезд первой величины.

— Давай сначала поговорим о личной жизни.

— Давай. Мой отец Юозас участвовал в революциях 1905 и 1917 годов. Сидел как политзаключенный.

С женой мы познакомились в 1943 году. Я работал тогда в театре, а она, будучи ученицей гимназии, пришла заниматься в студию при этом же театре. При советской власти она поступила в Вильнюсский университет, но проучилась там всего два года, после чего вынуждена была уехать: ее родители объявили врагами народа только потому, что они были богатыми людьми и владели 80 гектарами

сын Эгидинус был известным в Литве историком, он рано умер от рака. Младший, Раймундас, закончил ВГИК, учился у Татьяны Лиозновой, и сам стал режиссером.

Какие тут могут быть досужие сплетни?

— А она тебя никогда не ревновала?

— Конечно, нет. Я никогда не давал повода. Во время съемок фильма «Красная палатка», где снимались и очень известные зарубежные актеры, мы жили на ледоколе, часто устраивали застолья, хотя это было категорически запрещено — чтобы оградить нас от тягчайшего влияния Запада. Как-то зашел разговор о женах. У одного — пятая супруга, у другого — седьмая. И чем ближе очередь подходит ко мне, тем больше я теря-

«Берегись автомобиля»
(пастор, 1966)

С Татьяной Гавриловой и Анатолием Лапановым

С Вией Артмане

«Никто не хотел умирать» (председатель Вайткус, 1965)

В роли разведчика Ладейникова

С Роланом Быковым
«Мертвый сезон» (1968)

В роли герцога Олбенского

«Король Лир» (1970)

Окончание. Начало на с. 8-9

— Не могу сказать. Я на все это, прежде всего, как актер смотрю — и я все то, что показано в фильме, пережил сам.

— В первом твоем фильме, привнесшем тебе и всей съемочной группе оглушительный успех, а затем Государственную премию СССР, очень страшная коллизия и большая политическая подоплека.

— Я не интересуюсь политикой. Да, телевизор смотрю, безусловно. Но не так, чтобы сидеть перед этим экраном и искать новостей политики.

— Как все-таки стать кинозвездой?

— Нет ничего проще, чем стать кинозвездой! Надо сниматься у режиссеров, которые делают такие фильмы как «Никто не хотел умирать», «Берегись автомобиля», «Король Лир», «Мертвый сезон», «Соларио», «Гойя». Это шутка, конечно.

А вообще это труд, огромный труд. За время, проведённое на сцене и в кино, пределана титаническая работа: около ста воплощенных театральных образов и более семидесяти киноролей!

— А какие у тебя в жизни увлечения? Ты как-то говорил, что любишь гулять на природе, увлекался рыбакой.

— Ну, какой я рыбак теперь? Сейчас вообще достаточно редко бываю на улице.

А еще я увлекался баскетболом. В 1936-м году в Латвии проходил чемпионат Европы. Наши ребята на нем победили. Это была огромная радость для всей страны. Мы, подростки, все заболели этой игрой. Площадок, правда, не хватало. Мячей баскетбольных тоже. Так мы просто ставили во дворе ведро и бросали в него мячик, любой, какой могли найти.

— А как ты относился к кино?

— Я с детства любил кино. Но билеты на сеанс стоили дорого. Всеми способами пытались попасть в зал. Для того чтобы купить билет, иногда экономил на еде. Была у меня тогда мечта наиться юнгой на корабль, чтобы добраться до Америки. Там пойти в Голливуд и стать звездой. Я не мог пойти

в гимназию, потому что дорого учиться там было. Пришлось идти в школу керамики, чтобы получить какую-то настоящую профессию. Делал там горшки, сервизы. В этой ремесленной школе был драмкружок, в котором я впервые играл. Иногда я подрабатывал, занимался кукольным театром. Лепил куклы с помощью техники пальм-маше. Вот когда пригодились на выки гончара.

— А журналисты тебя часто мучают расспросами?

— Раньше, когда много снимался в кино, конечно интересен был журналистам. Сейчас уже меньше стало таких контактов. То бывшее время безусловного успеха у публики, когда я был известен и очень нужен многим — оно прошло.

— До конца 1980-х ты был кумиром многих советских граждан, миллионов зрителей, а после уже не было такой славы?

— Самый большой и неожиданный мой жизненный успех это все-таки

фильм «Никто не хотел умирать». Он получил много премий, широкий резонанс в стране! Приятно было играть, это был потрясающий период жизни. Теперь слежу за успехами моего сына Раймундаса, стараюсь участвовать в них по мере сил и горжусь сыном!

Одна из интересных, я считаю, наших работ — это театральный спектакль «Встреча», который поставил Раймундас. Главные герои Бах — мой любимый композитор, кстати, и Гендель.

— А вторым фильмом, после которого ты стал интересен многим кинозрителям, был «Берегись автомобиля».

— О! Это была хоть небольшая, но для меня важная роль! Я ведь вышел, можно сказать, на мировой уровень! Ведь рядом со мной играл сам Иннокентий Смоктуновский!

— Кстати, в этом фильме люди впервые, но и в последний раз слышали твой голос. Тебя потом все время дублировали. Вместо твоего

настоящего голоса мы слышали голоса то Заманского, то Демьяненко.

— Мне это слишком мешало в моей карьере. И в основном я доволен дубляжем.

— Почему в фильме Жалакявица тебе было приятно и органично играть?

— Потому что я пережил все эти жуткие страсти, и я знаю, я сам видел, как боролись партизаны с советскими войсками, отстаивая независимость.

— Но ты играл человека, защищавшего как раз советскую власть.

— Да, но правильнее будет сказать, что мой герой боролся не за власть. Апросто — за свою жизнь в той страшной ситуации. Я защищал в этой роли, председателя Вайкуса, вовсе не государство и не социальную систему. Поэтому и образ этот не фальшивый, вполне понятный любому из нас. Играять было приятно, потому что это была жизнь моя.

— В следующем фильме ты снимался у молодого корифея Эльдара Рязанова с известными актерами тоже корифеями: Олегом Ефремовым, Анатолием Папановым, Иннокентием Смоктуновским.

— Особенно мне приятно было, как я уже говорил, что рядом со мной Смоктуновский. Что ты! Это такльстипло мне! Он ведь тогда уже был звездой первой величины. Он был уже очень известен в Союзе.

— Ты учился у него актерскому мастерству?

— Я уже тогда был опытный актер. В жизни сложно бывает все, но зато я практически всё умел на сцене. Нас хорошо учили в юности ремеслу артиста, наш Мильтинис был тоже ведь метром литовского театра. И если уже говорить о Смоктуновском, то я не столько думал тогда о его игре, сколько о себе и о повышении своего статуса. Мол, зритель теперь не столько будет следить за моей игрой, сколько за тем, что рядом со мной такой выда-

«Приключения принца Флоризеля» («Председатель», он же Ник Николс, он же «Клетчатый», 1979)

С Олегом Далем

В образе «Председателя»

ющийся артист. Значит, и меня запомнят! Для меня Смоктуновский и сейчас безусловный авторитет. Но... может, это Смоктуновский у меня тогда учился?

— То есть главным учителем ты считала Мильтиниса?

— Да! Он учил нас, что в жизни мы обычные люди, а на сцене должны полностью вжиться в нужный образ, отдать себя без остатка. Учительная, что я пришел в театр в семнадцать лет и в таких условиях учился и работал как минимум восемь-девять лет, то такая школа наложила отпечаток на всю мою дальнейшую актерскую жизнь. Мильтинис был жестким в работе, но зато именно ему актеры обязаны способностью перевоплощаться, вживаясь в роль. Я его ставлю сегодня выше многих режиссеров, хоть и работали с такими гениями, как Михаил Швейцер, Конрад Вольф, Григорий Козинцев да и тот же Савва Кулиш.

— Кого из них ты мог бы выделить?

— Всех. А что касается Саввы Кулиша, то в «Мертвом сезоне» он был дебютантом. Это его первый фильм. У меня же был уже десятилетний опыт в кино. Впрочем, действительно, Савва наиболее близок мне по духу, как человек. Таки потом я встречал мало и среди друзей и коллег. Мы с Саввой как-то встретились на театральном фестивале в Москве, и заговорили о продолжении фильма. Кое-что даже начало прорисовываться. Мы вдвоем придумали, какое развитие могла иметь эта история. Но Кулиш внезапно умер.

— Когда ты играл Ладейникова, тебя не коробило, что это человек из КГБ?

— Я не придавал этому значения. Мне был интересен человек. Тем более, что это человек из внешней разведки, а не из внутренних органов.

— Кто из режиссеров повлиял на твою судьбу? Может, это был Андрей Тарковский? Его необычный, фантастический «Солярис» наделал шума и привел к многим дискуссиям не только в сфере кинематографа, но и в чисто философском

С Натальей Бондарчук

В роли психолога Криса Кельвина

плане! Встреча с братьями по разуму, выход человека в «глубокий Космос», как это все могло быть на самом деле?

— С Андреем Тарковским была действительно интересная творческая работа. Но я далеко не всем в ней остался удовлетворен. Я старался играть по-своему. Ты ведь читал роман Станислава Лема? У Лема философия романа и поведение его главного героя находятся в иной немногой плоскости, нежели трактовал Тарковский. У меня действительно сложное отношение к фильму «Солярис». Образ Криса Кельвина мне приходилось лепить в рамках, жестко очерченных деспотической и гениальной режиссурой.

Поэтому самый философский из режиссеров меня не удовлетворял как актера.

— Среди твоих ролей очень сильные по образности фигуры музыкантов Иоганна Баха и Людвига ван Бетховена. Была роль и в фильме о Паганини. Тебя прятывали образы композиторов? Ты

ведь даже закончил Государственную консерваторию Литвы?

— Что? Консерваторию? Какую еще? Ах, это был театральный факультет. Дело в том, что когда в начале 1980-х, я возглавил театр в Паневежисе, то у нас была своя школа — студия актеров. И чтобы как-то узаконить выпускников, было решено, что все они должны заочно закончить консерваторию. То есть, чтобы иметь близкое к профильному высшему образование «для галочки». И тут вдруг выяснилось, что и у руководителя студии, у главрежа театра, то есть, у меня, тоже нет высшего образования! Пришлось спешно для того, чтобы числиться в советской системе профессионалом, поступить и закончить экстерном консерваторию. Я там за какие-то месяцы быстро сдал все необходимые экзамены.

— Как тебе удается поддерживать отличную физическую форму? Диеты? Спорт?

— Знаешь, я никогда специально не придерживался никаких диет и из всех

оздоровительных процедур признаю лишь контрастный душ по утрам.

— У тебя очень много наград...

— Помню, с итальянцами мы снимали фильм «Красная палата», так они смеялись над нашими типами. У меня много наград, но я никогда в жизни их на пиджак не вышивал. Спасибо, конечно, что оценили, вот оно есть у меня и для меня останется.

А потом мы с ним пили коньяк. Правда, не из тюроки, ее просто со мной не было. Но, в принципе, какая разница? Главное — это разговор по душам. А коньяк он всегда коньяк. Да и рюмку мы вспоминали с большой теплотой.

Донатас нет уже почти семь лет. Но живы образы, которые он создал в фильмах, ставших классикой мирового киноискусства. И пока их смотрят, а их будут смотреть, продолжается его эпоха. Эпоха по имени Банионис.

«Гойя, или Тяжкий путь познания» (1971)

В роли Франсиско Гойя

«Солярис» (1972)